

“Солнышко, но если так вот лежать целый день, то с ума сойдешь”, — резонно отвечает он мне на вопрос: а зачем ему вся эта нервная работа нужна? И кашляет, ему трудно говорить, поэтому интервью в последнее время он никому не дает, но для “МК” сделал исключение. Перед тем как лечь в больницу, позвонил и попросил приехать: “Не люблю оставлять долгов”. Начал он с объяснения в любви: — “Московский комсомолец” — наша любимая газета. А начать интервью хочу с того, что в наше тяжелое время мы должны делать хоть что-то, чтобы облегчить людям жизнь. И прежде всего жить и выжить помогает физическая культура. Ведь наша цель — чтобы наша страна была сильной и могучей.

Все это я слушала сквозь звонкий лай из-под кровати пуделя Алисы. Вытащить ее оттуда было невозможно, поэтому разговор пришлось перевести на собачью тему.

АЛИСА

— Я как-то приехал из командировки, а жена и дочка говорят, что нашли собаку, — у нас всегда жили собаки. Они убедили меня, что это будет карликовый пудель и я буду носить его в кармане. А я люблю именно маленьких собачек. Но сами видите, в какую “лошадь” она выросла.

— Главное, что под кроватью умещается, — говорю я не без раздражения.

— Но вообще-то она существо незлобное, а как встречать умеет, целует, лижется — это дорогого стоит. Больше всех любит жену. А спит где захочет, за ночь обойдет всех, проверяет, все ли на месте.

И ровно после этих слов Алиса успокоилась, а Николай Николаевич перешел на свою любимую тему.

СПОРТ

С приходом нового министра спорта стали понимать важность физкультуры. До этого мы ведь все внимание обращали на спорт и профессионализацией убили многих спортсменов. Я слишком поздно понял значение физкультуры. В Краснодаре меня привезли в бассейн — вдруг выныривает почтенная женщина и кричит: “Спасибо, спасибо, я бросила стирки, кастрюли и три дня чувствую себя замечательно”. Это проходила спартакиада женщин, когда мы создали Союз женщин “Спартак”. И я запомнил ее слова на всю жизнь.

Я страшный поборник физкультуры. И противник того, что наши совсем еще молодые спортсмены уезжают за рубеж. Вот представьте, я теннисист, был много раз чемпионом Советского Союза, и меня пригласили выступить за иностранный клуб. Но я не должен забывать, кто меня воспитал, что дали мне спортивные тапочки в обществе “Локомотив”, — так я там и остался. Потом в 17 лет перешел в “Спартак” — и с ним до сих пор.

За границей ведется список, сколько денег потрачено на одежду, спортивное снаряжение, сборы каждого спортсмена, там за душ надо платить, за корт. У нас же этого никто не считает — мы растим хороших спортсменов, и они, еще совсем молодые, уезжают от нас. Необходим закон, чтобы люди знали свое место, свой дом. Я не представляю себе, что мог бы не приехать играть за Россию! Смешно, когда наши теннисисты берут 250 тысяч долларов с Федерации тенниса России за выступление на родине. Они обязаны сюда приезжать и играть бесплатно, для детей, для молодежи.

— Мне бы хотелось поговорить о вас, а не о спортивных проблемах.

— Моя жизнь — это спорт.

— Не только, в ней много места занимал и театр, и журналистика.

— Тогда, наверное, она стоит на шести китах: театр, телевидение, радио, кино, эстрада и спорт.

— В какой из этих областей вы чувствовали себя увереннее?

— Во всех, просто одно дополняло другое. Мне надоела шайбы и мячи — я шел и делал репортаж об операции на сердце или о приезде оперного певца Марио Дель Монако, самого лучшего в мире тенора. Я был на его записи на радио: четыре часа потрясающего пения. После каждой удачно взятой ноты он смотрел на жену, и она одобительно кивала ему головой.

— Ваш отец — известный оперный певец Николай Озеров; вы мечтали петь в Большом театре?

— Да, я мечтал всегда петь, как папа, и быть лысым, как он. Но у меня не было голоса — точнее, верхушек. Хотя помню свое первое выступление на домашнем детском празднике. Мне было четыре года. Я пел арию Джильды из оперы Верди “Риголетто”. На меня надели парик и юбку. Говорят, у меня было хорошее сопрано. А я помню, что пел и все время смотрел на пирожки, которые стояли на столе, и мечтал их скорее съесть.

В детстве меня часто брали в Большой театр. Помню, когда папа пел Садко и его прогоняли со сцены, я всегда плакал, мне было очень обидно за него. Как-то, когда между сценами была пауза и погас свет, я закричал на весь зал: “Заснул дирижер, заснул!” Меня после этой выходки не хотели больше водить в театр. Потом, когда мои

дети пришли посмотреть на меня в роли Хлеба в “Синей птице”, то я тоже слышал их голоса из зала с криками: “А где же папа?”

СЕМЬЯ

— Сейчас чем ваши дети занимаются?

— Коляка закончил Институт физкультуры, но не пошел на тренерскую работу. Ищет себя в бизнесе, увлекается автомобилями. Занимался теннисом, но я ему посоветовал оставить это, хотя у него хорошо получалось. Просто большой спорт плохо сказывался на его здоровье. А Надя закончила музыкальное училище имени Гнесиных, получила профессию хормейстера. Но работает на телевидении, делает сюжеты на разные темы.

— А кто вам помогает дома?

СПАРТАНЕЦ

Николай ОЗЕРОВ:

“Я мечтал выиграть Уимблдон, и мне это было по силам”

У него диабет и нет правой ноги, зато есть имя — “человек-легенда”, “человек-эпоха”. Давно можно было бы почивать на лаврах и рассказывать поклонникам о самочувствии и золотых медалях, вспоминая смешные истории из теле- и радиорепортажей и мхатовской жизни. А он сидит в инвалидную коляску, берет костыли и едет на работу в “Спартак”. И “Спартак”, от которого оставались лишь рожки да ножки бывлой славы, опять поднимается благодаря усилиям этого неутомимого человека.

Фото Александра АСТАФЬЕВА

— Жена. Несчастный человек, разрывается на части. Ее мама тоже лежит больная. По профессии она редактор, работала в издательстве “Прогресс”, — я ее отсюда похитил. А когда появились двойняшки, ей пришлось все оставить.

— У вас уже тогда было имя?

— Да, неудобно говорить, но писали, что я принес новое направление в наш теннис. Я ведь хоть был и полный, но очень подвижный.

— А какое первое упоминание о вас было в газетах, помните?

— Написали в “Советском спорте”, что хорошо стала играть девочка Озерова и мальчик Подпорин. С тех пор я понимаю, что такое журналистика. Сам ошибался не раз.

ЖУРНАЛИСТИКА

— Расскажите про какую-нибудь свою ошибку.

— Сейчас, когда я слушаю, что говорят по телевизору, то все мои ошибки уже и не кажутся ошибками. Я, если что-то не знал, не стеснялся позвонить из-за границы Левитану, Высоцкой. Спрашивал, как произносятся слова.

Вот была как-то Олимпиада, и я вел закрытие. В конце я вместо “Здравствуй, Калгари”, то есть названия города следующей Олимпиады,

сказал: “Здравствуй, Кавголого” — такой город под Ленинградом. Аня Дмитриева, с которой мы вели репортаж, от смеха упала под стол. Но я тут же исправился: я никогда не боялся исправить ошибку. Помню, сказал о том, что предупреждение получил футболист киевского “Динамо” Коньков, а это был не он. Так я месяц искал возможность принести извинение зрителям за ошибку. Перед Коньковым-то я сразу извинился. Да вы сами дочка спортивного комментатора, которого я очень люблю, и знаете, какая это профессия, сколько в ней неожиданностей, экспромтов.

Николай Озеров работает как спортивный комментатор с 50-го года. Первый свой репортаж провел 29 августа — комментировал игру ЦДК—Динамо. Он вел репортажи из 49 стран мира, с 17 Олимпиад.

спортивных новостей. Потом уже была 19-минутная пауза в эфире, когда наши хоккеисты выигрывали у команды ГДР 10:0, и наши тренеры сделали широкий жест, дав возможность немецким игрокам починить коньки. И мне пришлось заполнить паузу. Но и это еще был не рекорд: на Олимпиаде в 1968 году в Гренобле у меня была пауза в эфире в 33 минуты!

А из смешных историй, происходивших не со мной, мне запомнилась такая. Как-то диктор нашего радио пришла на работу, включила микрофон и сказала: “Московское время — семь часов... сорок копеек”.

ОКРУЖЕНИЕ

— Вы знакомы с огромным количеством известных людей. С кем общаетесь сейчас?

— Из спортсменов — Федя Черенков, наш великий спартаковец, Шалимов. Я сейчас почти нигде не хожу. Даже на спартаковские игры. Потому что мне трудно даже подниматься наверх. И не все это понимают, некоторые на меня обижаются. Иногда хожу в Большой театр. Еще ходил в оперетту — но лестницы, лестницы!.. В Театре сатиры умер мой друг-директор, и с тех пор не хожу туда. Большую часть времени — дома, смотрю спортивные передачи. Ведь я, к стыду своему, всюду вынужден ходить в спортивном костюме, из-за медицинских показаний. И я стесняюсь, когда меня все время спрашивают: “Как вы себя чувствуете, как здоровье?” Как, как?! Подвижности нет, костыли.

С артистами, конечно, дружу: с Зурабом Соткилавой, Костей Драгополовым, Славой Невинным, семьей Баталовых.

ЭПИЛОГ

— В том, что у вас нет ноги, виноват спорт?

— Не знаю, но нагрузки были огромные. И самым страшным для меня был момент, когда я однажды проснулся и не смог встать. Но я заставил себя. И в этом мне помог “Спартак”: я знал, что нужен ему. И сейчас наше общество есть уже в 48 регионах нашей страны. И если надо, то я и к министру выезжаю; вот был у Черномырдина полтора часа.

— А вам никогда не казалось, что вы разбрасывались, за многое брались и не доводили до конца?

— Нет, я везде чего-то добивался. Снялся в 11 художественных фильмах, пробывал, искал. И в каждой области, где я работал, чем-то был награжден.

— Все так легко давалось?

— Нет, все слезами и потом. Я утром уходил, когда все спали, и тренировался, а потом ехал в институт (ГИТИС имени Луначарского), когда там был перерыв, опять мчался на стадион. Играл в хоккей и футбол, но делал это для тенниса. Хотя у меня были успехи в этих видах спорта.

— Есть ли что-то, чего вы не успели в этой жизни?

— Я мечтал выиграть Уимблдонский турнир. Это было вполне мне по силам. Мне снилось, как я стою на пьедестале почета, и играет гимн Советского Союза. А как мы мечтали об Олимпиадах! И вот теперь пришли к тому, что Кафельников на Олимпиаду не едет. Потому что он болен. А через неделю там же он играет платный турнир. Вот как сегодняшняя молодежь относится к своей Родине!

Да и с парашюта не прыгал, не вышло. Хотя меня с детства звали бесстрашным. Я всегда первый прыгал с любого трамплина. Был у меня значок ворошиловского стрелка, я занимался конным спортом, в баскетбол играл, даже в шахматы.

— Был ли какой-нибудь поступок у вас в жизни, которым вы гордитесь?

— Героического ничего не совершал. (Долгая пауза.) Вот месяц провел в поездке Москва—Ленинград. Я снимался в фильме “Ход белой королевы”. Приезжал утром, шел в парикмахерскую, потом в кафе каши поесть — на съемки ехали в Ленинградскую область. И в полпятаго вечером — опять в Москву на работу: проводил выпуск “Последних известий” или играл в спектакле Художественного театра — и опять в самолет.

Нас прерывает телефонный звонок: поклонники спрашивают о самочувствии. Озеров отвечает: “В “Спартаке” — хорошо”. Потом объясняет мне: “Потому что там хороший коллектив и хорошая благородная цель самого общества”.

Я люблюсь картинами на стенах, где отец Озерова в разных ролях изображен известными художниками, пытаюсь поглядеть строптивую Алиску и звоню в красивый старинный колокольчик, который стоит у кровати Николая Николаевича. И сразу же прибегают Маргарита Петровна, жена, со словами: “Да, милый?” И мне приходится извиняться, а меня убеждают, что все равно пришла пора делать укол. И Маргарита Петровна идет уже со шприцем.

— А как вы познакомились?

Она: Это неинтересно, все забыли.

Он: Это было давно, я играл спектакль в МГУ — после этого мы и познакомились, так?

Она: Нет, да неважно это все...

И потом, провожая меня до двери, она говорит, как будто про себя: “Быстро, все как-то очень быстро прошло”.

Милана БОГДАНОВА.

Озеров Николай Николаевич
15.03.94.